

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г.Шалавина

город Санкт-Петербург

10 ноября 2022 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Г.Шалавина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с абзацем вторым пункта 3 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не вправе быть представителем в суде, за исключением случаев участия его в процессе в качестве законного представителя, лицо, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления, а равно по следующим основаниям: неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушение адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката, незаконное использование и (или) разглашение информации, связанной с оказанием адвокатом квалифицированной юридической помощи своему доверителю, либо систематическое несоблюдение установленных законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу.

Определением Раздольненского районного суда Республики Крым от 11 июня 2021 года, оставленным без изменения апелляционным определением Верховного Суда Республики Крым от 6 сентября 2021 года, исковое заявление, поданное гражданином С.Г.Шалавиным в качестве представителя К. к администрации Зиминского сельского поселения Раздольненского района Республики Крым, Министерству имущественных и земельных отношений Республики Крым об установлении факта принятия наследства и о признании права собственности на жилой дом и земельный участок, возвращено истцу. Суд указал, что статус адвоката С.Г.Шалавина был прекращен 11 августа 2005 года на основании подпункта 4 пункта 1 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре

в Российской Федерации», т.е. в связи со вступлением в законную силу приговора о признании его виновным в умышленном преступлении, а потому в силу абзаца второго пункта 3 той же статьи он не вправе быть представителем в суде, за исключением участия в процессе в качестве законного представителя. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции 10 декабря 2021 года оставил жалобу, поданную С.Г.Шалавиным в качестве представителя К., без удовлетворения. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2022 года отказано в передаче жалобы, поданной С.Г.Шалавиным в том же качестве, для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

По мнению заявителя, оспариваемая норма не соответствует статьям 37 (часть 1) и 54 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, позволяет суду не допускать в процесс в качестве представителя лицо, чей статус адвоката прекращен до даты вступления в силу данного законоположения – 1 марта 2021 года.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» абзац второй пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на его основании разрешается вопрос о праве быть представителем в суде применительно к лицу, статус адвоката которого прекращен до 1 марта 2021 года, т.е. до даты вступления данного законоположения в силу, в связи со вступлением в законную силу приговора о признании этого лица виновным в умышленном преступлении.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в Российской Федерации как правовом государстве государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, включая право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 1, часть 1; статья 45, часть 1; статья 48, часть 1), предполагает установление законодательного

регулирования по вопросам, связанным с деятельностью адвокатуры, которые наряду с вопросами кадров судебных и правоохранительных органов и вопросами нотариата относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт «л» части 1).

Будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, на которого законом возложена обязанность защищать права и свободы человека и гражданина (в том числе по назначению судов), адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Осуществление соответствующих публичных функций предполагает создание нормативно-правовых и организационных механизмов, обеспечивающих законность и независимость в деятельности адвокатов с учетом специфики адвокатуры как профессионального сообщества адвокатов, которое, будучи институтом гражданского общества, не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления и действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (пункты 1 и 2 статьи 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). В то же время приобретение статуса адвоката выступает формой реализации права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Конституция Российской Федерации – хотя она и не содержит положений, непосредственно определяющих статус адвоката и адвокатуры, – предполагает урегулирование такого статуса в федеральном законе с тем, чтобы они отвечали своему конституционному предназначению быть элементом механизма реализации конституционных прав на судебную защиту и на юридическую помощь и вместе с тем обеспечивали гарантии конституционных прав граждан, выбравших профессию адвоката. Как следует из правовых позиций Конституционного

Суда Российской Федерации, основанных на положениях статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, законодатель обязан поддерживать баланс конституционно защищаемых ценностей в данной сфере и соблюдать критерии необходимости и соразмерности связанных с таким статусом возможных ограничений прав и свобод и не должен вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной категории (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 33-П, от 18 июля 2019 года № 29-П и др.).

3. В силу предписаний статей 1, 2, 17, 18, 45, 46, 48, 52 и 53 Конституции Российской Федерации государство, с одной стороны, обязано урегулировать статус адвоката так, чтобы он мог эффективно выполнять функции правовой защиты, возложенные на него Конституцией Российской Федерации и федеральным законом, с учетом в том числе того, что деятельность адвокатов не только способствует отправлению правосудия, но и является одним из элементов гражданского контроля за законностью деятельности органов публичной власти. С другой стороны, государство призвано не допускать, чтобы статус адвоката использовался вопреки своему предназначению; оно должно обеспечивать правовыми средствами доверие общества к деятельности адвокатов и институту адвокатуры в целом и тем самым защищать право граждан на судебную защиту и право на получение ими юридической помощи от лиц, отвечающих специальным требованиям – как квалификационным, так и морально-нравственным.

Осуществляя соответствующее регулирование, законодатель обладает достаточной дискрецией и вправе учитывать конкретные социально-правовые условия, в частности значительно расширившиеся возможности получения гражданами квалифицированной юридической помощи, в том числе оказываемой адвокатами, по сравнению с ситуацией на момент принятия Конституции Российской Федерации.

Актуальное правовое регулирование устанавливает специальные условия доступа к адвокатской деятельности, а также предусматривает

более жесткие последствия прекращения статуса адвоката по ряду оснований. Так, абзац второй пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», запретивший лицу, утратившему статус адвоката в связи с признанием виновным в умышленном преступлении, осуществлять судебное представительство (за исключением законного представительства), введен Федеральным законом от 2 декабря 2019 года № 400-ФЗ и вступил в силу с 1 марта 2021 года. Вводя данный запрет, законодатель исходил из того, что таковой должен обеспечивать действенность решения о прекращении статуса адвоката. До этого лицо, признанное виновным в умышленном преступлении и потому утратившее статус адвоката, несмотря на такую утрату сохраняло возможность оказывать юридическую помощь гражданам и организациям практически в том же объеме, что и в период обладания адвокатским статусом (не считая случаев, когда законом прямо предусмотрено осуществление соответствующего вида юридической помощи лишь адвокатами), если только такая возможность не была исключена ввиду назначенного приговором наказания – как объективно препятствующего такой деятельности во время его отбывания, так и состоящего в запрете ею заниматься (статья 47 УК Российской Федерации).

Факт совершения лицом, имеющим статус адвоката, умышленного преступления, установленный вступившим в законную силу приговором суда, с очевидностью свидетельствует о пренебрежительном отношении этого лица как к соблюдению закона, так и к своему адвокатскому статусу. Он позволяет предположить наличие у такого бывшего адвоката криминального опыта, а также специфических личных качеств, например способности пойти на любые, в том числе незаконные, действия в интересах своего доверителя и в своих интересах или же готовность, руководствуясь собственными представлениями о том, что полезно и выгодно для дела, давать доверителю любые советы, в том числе о совершении противоправных поступков. Ситуация усугубляется тем, что в рамках своей профессиональной деятельности лицо, оказывающее юридическую помощь

в форме представительства в суде, имеет дело с субъектами, находящимися в состоянии правового конфликта или обратившимися к нему со своими жизненно важными интересами и готовыми ему довериться в силу наличия у него специальных познаний, признание которых подкреплено обладанием в прошлом адвокатским статусом. Сказанное могло дать законодателю разумные основания исходить из присутствия рисков для охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами ценностей в случае, если это лицо не будет ограничено в продолжении юридической деятельности, сходной с осуществляемой при пребывании в статусе адвоката. Поэтому принятие законодателем мер, призванных минимизировать соответствующие риски, не вступает в противоречие с принципом правового государства и с конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь.

Судебным представительством такая помощь не ограничивается, но для адвокатов именно оно составляет существенную часть профессиональной деятельности, а потому рассматриваемый запрет согласуется с целями его введения. То обстоятельство, что запрет на судебное представительство не распространяется на лиц, которые тоже были осуждены за умышленное преступление, но не имели статуса адвоката, не свидетельствует о дискриминации по признаку наличия ранее адвокатского статуса и не означает трансформации меры, направленной на защиту охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами общественных отношений, в меру ответственности. Конституция Российской Федерации ставит адвокатуру в один ряд с кадрами судебных и правоохранительных органов и с нотариатом (статья 72, пункт «л» части 1), тем самым указывая на ее связь с правоохранительной и судебной системами государства. По этой причине невозможно – в контексте оценки адекватности рассматриваемого запрета преследуемым целям – сравнивать адвокатскую деятельность с другими юридическими профессиями (с оказанием юридической помощи и с юридической работой), а равно и с неюридическими профессиями, которые указанной связи не имеют.

Поэтому адвокатский статус, налагая на лицо особые обязанности и ответственность, принципиально выделяет адвокатов из всех других лиц, оказывающих гражданам и организациям юридическую помощь, и требует соблюдения специальных условий его получения. Он может выступать для законодателя своеобразным индикатором (сигналом) более высоких рисков в последующем поведении лица, которое, имея данный статус (или предполагая его получить), пошло на преступление.

Причем рассматриваемый запрет нацелен – в системе предотвращения рисков для охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами ценностей – не только на предупреждение возможного вреда нуждающимся в юридической помощи, но и на защиту правового порядка в целом. Очевидно, что с правовым порядком в правовом государстве не в полной мере совместима ситуация, когда лицо, чей статус адвоката прекращен по дискредитирующим основаниям, фактически сохраняет возможность вести ту же профессиональную деятельность в том же объеме. К тому же ее продолжение может быть фактором, который маскирует для прибегающих к услугам этого лица прекращение его связи с адвокатским сообществом и позволяет ему по-прежнему пользоваться авторитетом и репутацией адвокатской палаты, наделившей его в свое время статусом адвоката. Это осознает и адвокатское сообщество, которое в рамках возможностей, предоставленных ему законом, закрепило в пункте 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года), что в решении Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации о прекращении статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и данного Кодекса устанавливается срок, по истечении которого соответствующее лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката. И хотя адвокатам даны независимость и самостоятельность в регулировании дел своего сообщества, однако в конечном итоге не адвокатура, а государство несет ответственность перед гражданами за состояние квалифицированной юридической помощи в

стране. Именно государство, в том числе посредством нормативного регулирования, должно гарантировать, что лицо не будет использовать факт наличия у него ранее адвокатского статуса для злоупотреблений, выступая представителем граждан и организаций в отношениях с органами публичной власти, включая суд. Тем более что, не имея уже статуса адвоката, это лицо не находится в сфере морального и дисциплинарного воздействия адвокатского сообщества.

Таким образом, предусмотренный абзацем вторым пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрет осуществлять судебное представительство – как специальная мера, направленная на преодоление или снижение рисков продолжения такой деятельности, возникновение которых для ценностей, охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами, предполагается исходя из привлечения лица в бытность адвокатом к уголовной ответственности за умышленное преступление, – не может рассматриваться как санкция (мера ответственности) за совершение преступления, но тем не менее является допустимым с точки зрения целей ограничения прав этого лица.

4. Вводя особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод. При этом должны использоваться не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; ограничения же прав и свобод в любом случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания. Такой подход, вытекающий из статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласуется, как неоднократно подчеркивал Конституционный

Суд Российской Федерации (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 27 июня 2012 года № 15-П, от 18 июля 2013 года № 19-П и др.), с общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности со статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что каждый человек при осуществлении своих прав и свобод должен подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

4.1. Конституционный Суд Российской Федерации ранее оценивал ограничения для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (не прекращенному по реабилитирующим основаниям) за совершение некоторых видов преступлений, в том числе когда судимость снята или погашена, на занятие педагогической и иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних. В Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П Конституционный Суд Российской Федерации, отметив конституционную обоснованность данного ограничения, признал, однако, нормы, его регулирующие, не соответствующими статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они вводят безусловный и бессрочный запрет на занятие названной деятельностью и предполагают безусловное увольнение лиц, имевших судимость (а равно лиц, уголовное преследование которых прекращено по нереабилитирующим основаниям) за совершение иных указанных в них преступлений, кроме тяжких и особо тяжких, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, не предусматривая необходимость учета вида и степени тяжести

совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, обстоятельств, характеризующих личность, включая поведение после совершения преступления и отношение к исполнению трудовых обязанностей, а также иных факторов, позволяющих определить, представляет ли конкретное лицо опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних. Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что этим несоразмерно ограничивается право таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду и нарушается баланс конституционных ценностей.

В соответствии с приведенной правовой позицией конституционно значимым является установление законом временных параметров подобных запретов (ограничений) на профессиональную деятельность. Абсолютный запрет возможен, только если иным образом – с учетом причин его введения – нельзя обеспечить защиту охраняемых им конституционных ценностей. В других решениях Конституционный Суд Российской Федерации также указывал на необходимость временных пределов ограничения тех или иных прав в связи с привлечением к юридической ответственности, в том числе уголовной (постановления от 29 июня 2012 года № 16-П и от 10 октября 2013 года № 20-П).

4.2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Федеральный закон от 2 декабря 2019 года № 400-ФЗ, которым введен запрет на осуществление судебного представительства для лица, чей адвокатский статус прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора о признании его виновным в умышленном преступлении, не содержат каких-либо положений, прямо определяющих временные пределы действия данного запрета.

Для лиц, осужденных за умышленное преступление, допуск к квалификационному экзамену на приобретение статуса адвоката возможен после погашения или снятия судимости (подпункт 2 пункта 2 и пункт 3 статьи 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Следовательно, действующее регулирование

позволяет им преодолеть рассматриваемый запрет через приобретение статуса адвоката вновь. Вместе с тем отсутствие срока его действия, даже несмотря на гипотетическую (во всяком случае, прямо нормативно не ограниченную) возможность его преодоления указанным способом, существенно ограничивает право этих лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду. Бессрочный запрет на осуществление судебного представительства серьезно влияет на возможность для лица трудоустроиться по юридической специальности, поскольку такой специалист в отсутствие у него права быть представителем в суде объективно не может рассчитывать на высокую востребованность на рынке труда, на занятие профессиональной деятельностью на равных условиях с иными лицами.

При этом в связи с отсутствием каких-либо временных параметров рассматриваемый запрет распространяется как на лиц, чей статус адвоката прекращен по соответствующему основанию после вступления абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в силу, так и на лиц, утративших этот статус до вступления в силу данного законоположения, т.е., по сути, бессрочность запрета имеет как проактивный, так и ретроактивный характер. И хотя по своей природе он не является мерой ответственности и его ретроактивное действие напрямую не вступает в противоречие со статьей 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации (о том, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет), однако – исходя в том числе из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – следует констатировать, что его бессрочный характер приводит к чрезмерным, выходящим за конституционно допустимые рамки ограничениям права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию и тем самым делает рассматриваемый запрет несовместимым с предписаниями статей 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Федеральному законодателю

надлежит – с учетом требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, основанных на этих требованиях и выраженных в настоящем Постановлении, – внести в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» изменения, вытекающие из настоящего Постановления и устраняющие бессрочное действие запрета быть представителем в суде для лица, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании этого лица виновным в совершении умышленного преступления.

Имеющие своим источником Конституцию Российской Федерации и общие принципы права критерии обоснованности, соразмерности, справедливости и дифференцированности, которым должен отвечать запрет быть представителем в суде (за исключением участия в процессе в качестве законного представителя), и сформулированные на их основе в настоящем Постановлении требования к установлению срока действия данного запрета распространяются и на иные – не ставшие предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу – основания применения данного запрета, а именно случаи прекращения статуса адвоката по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушения адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката, незаконного использования и (или) разглашения информации, связанной с оказанием адвокатом квалифицированной юридической помощи своему доверителю, либо систематического несоблюдения установленных законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу. Это означает, что внесение в действующее регулирование изменений, вытекающих из правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, должно быть направлено также на исключение бессрочного ограничения права на свободное распоряжение своими способностями к труду лиц, чей статус адвоката прекращен по названным основаниям.

Федеральный законодатель не лишен возможности, руководствуясь критериями соразмерности и справедливости, дифференцировать соответствующие сроки в зависимости от основания прекращения статуса адвоката и в зависимости от состава умышленного преступления, за которое осуждено лицо, имевшее этот статус. Он также не лишен возможности избрать иную модель правового регулирования и увязать применение запрета на осуществление судебного представительства для лица, адвокатский статус которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании его виновным в умышленном преступлении, с таким видом уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (статья 47 УК Российской Федерации), в том числе внести коррективы в правила назначения данного наказания.

5. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в российском законодательстве предусмотрены также правовые последствия судимости, которые не преследуют цель реализации уголовной ответственности, проявляют себя в иных отраслях и связаны с запретом на занятие определенных должностей (судей, работников прокуратуры, сотрудников полиции и др.) либо на занятие определенными видами деятельности, на обращение с предметами повышенной опасности (например, оружием). За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера. В таких случаях возможные ограничения прав (в том числе связанные с занятием публичной должности), не будучи уголовным наказанием, тем не менее являются общеправовыми последствиями судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, должны соответствовать срокам судимости. Вместе с тем в порядке

исключения, если это необходимо в целях защиты конституционных ценностей, вопрос о сроках может быть решен в федеральном законе иным образом – с учетом предмета регулирования и при соблюдении критериев разумности и соразмерности (Постановление от 10 октября 2013 года № 20-П).

Согласно пункту 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в решении о прекращении статуса адвоката за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и данного Кодекса устанавливается срок, по истечении которого лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката; этот срок может составлять от одного года до пяти лет, а если статус адвоката за такое нарушение прекращается повторно, он должен составлять от пяти до семи лет.

С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагает возможным указать, что впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений срок действия запрета быть представителем в суде для лица, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора о его осуждении за умышленное преступление, должен признаваться равным сроку судимости, но составлять не менее пяти лет с момента принятия решения о прекращении статуса адвоката. Хотя в предмет рассмотрения по настоящему делу не входит запрет быть представителем в суде (за исключением участия в процессе в качестве законного представителя) для лица, чей статус адвоката прекращен по иным перечисленным в абзаце втором пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» основаниям, сохранение для таких лиц данного запрета как бессрочного – притом что по самому негативному основанию, а именно совершению умышленного преступления, данный запрет будет ограничен сроком – вступит в

противоречие с принципами справедливости и соразмерности, а потому Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым установить, что при прекращении статуса адвоката по таким основаниям запрет быть представителем в суде должен действовать в течение указанного в решении о прекращении статуса адвоката срока, по истечении которого лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац второй пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он предусматривает в качестве последствия решения о прекращении статуса адвоката в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании лица виновным в совершении умышленного преступления установление запрета этому лицу быть представителем в суде (за исключением участия его в процессе в качестве законного представителя).

2. Признать абзац второй пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не соответствующим статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данное законоположение вводит бессрочный запрет быть представителем в суде для лица, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании этого лица виновным в совершении умышленного преступления.

3. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на этих

требованиях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений срок действия запрета быть представителем в суде для лица, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора суда о признании этого лица виновным в совершении умышленного преступления, должен признаваться равным сроку судимости, но составлять не менее пяти лет с момента принятия решения о прекращении статуса адвоката, а в случае прекращения статуса адвоката по иным перечисленным в абзаце втором пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» основаниям – в течение указанного в решении о прекращении статуса адвоката срока, по истечении которого лицо допускается к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката.

4. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Шалавина Сергея Георгиевича на основании абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в той мере, в какой он признан настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 49-П